ТРИ ВСТРЕЧИ С ДЕ ФИЛИППО

С героями Эдуардо Де Филиппо одновременно познакомились люди, живущие в самых разных городах Советского Союза: увлечение его драматургией пришло внезапно и по сей день все крепнет. Многие театры уже поставили его пьесы, другие работают над ними, третьи ждут, чем еще порадует своих друзей знаменитый итальянец...

На протяжении едва нескольких месяцев три театра столицы поставили произведения Де Филиппо, пьесы, чрезвычайно разные по темам, по жанру, даже по манере, в которой они написаны, и все же они обладают каким-то не сразу ощутимым внутренним единством.

Драматургия, театр Де Филиппо, видимо, во многом отражающие новый этап развития искусства сцены, напоминают киноленты итальянцев, тех, кого принято называть «неореалистами». Так же как и герои этих фильмов, герои пьес Де Филиппо оказываются в ситуациях трогательных, смешных или наивных, но, как правило, таящих в себе грустный, даже драматический подтекст, скрывающих большое социальное содержание. И улыбка, ласковая, немного насмешливая, с которой следит за ними автор, где-то в глубине скрывает боль, глубокое сострадание. «Трагикомедии»—вот, пожалуй, наиболее справедливое название для всех этих произведений, хотя в подзаголовках у них стоят самые различные жанровые определения — от «комедии» до «драмы». И все время непрерывно ощущается в этих пьесах страстная жажда их автора счастья для человека и грусть от того, что нет еще перед этим умнейшим, тончайшим, гуманнейшим писателем ясного пути — как это счастье достигнуть.

Необычная — даже не по форме, нет, хотя есть несомненное своеобразие в приемах, применяемых писателем, — а по самому подходу к воссозданию явлений жизни, по восприятию этой жизни по взаимоотношениям автора с ней, драматургия Де Филиппо требует во многом и особого подхода при перенесении ее на сцену. Наши актеры и режиссеры во многом успешно работают над сценической интерпретацией пьес Де Филиппо.

Вот три спектакля столицы. Взгляните на них

...«Филумена Мартурано» в Театре им. Евг. Вахтангова — постановка блистательная. Именно это ощущение возникает, едва на сцене раздвинулся занавес, и на безбрежно-лазурном фоне возник четкий рисунок тонких желтоватых колонн, ограничивающих террасу виллы Доменико Сориано. Лаконичность декораций художника М. Сарьяна готовит к спектаклю — четкому, выразительному, смелому. Именно таким он во многом и оказывается. Спектакль обладает ясным, очень определенным «решением», пусть не всегда это решение кажется справедливым или безоговорочным, но «Филумена Мартурано» привлекает в первый момент именно этой ясностью режиссерского подхода, уверенностью, с которой постановщик реализует свой собственный замысел.

Е. Симонов вводит нас в мир простой и в то же время сложный. Герои его спектакля живут в полу-условных декорациях, одновременно абстрагирующих время и место действия и в то же время выразительно характеризующих их, ибо именно таков, вероятно, оттенок неба в Италии, именно так одеваются наши современники, живущие под этим небом. Среди этих колонн он помещает людей из плоти и крови, на фоне этого неба разворачивается трогательная и в своем существе глубоко гуманная история о том, как Филумена Мартурано вышла победительницей в своей борьбе за право женщины из народа иметь семью, детей.

Р. Симонов, играющий роль главного героя, стремительно выходит на авансцену, ломая даже те намеки на интерьер, которые есть в спектакле, и произносит свой монолог нам, зрителям, словно жалуясь нам, что женщина, с которой он прожил столько лет, надула его, обманом сделалась его законной женой, словно сетуя вместе с нами на всю несправедливость, на всю злобу окружающего его мира. И произносит он его так, что мгновенно забываешь и ложкий режиссерский ход, и то, что нечего, казалось бы, Сориано делать здесь, рядом с креслами зрителей.

Симонов точно, умело и легко входит в режиссерский рисунок, наполняя его, а во многих случаях и расширяя его подчас тесные контуры. Он живет на сцене привычно, просторно.

Спектакль развивается стремительно, напряженно. В этом заслуга не только режиссера Е. Симонова и артиста Р. Симонова, но и в равной мере Ц. Мансуровой. Филумена Мансуровой проста, ибо судит обо всем просто и немножко наивно, потому что безыскусно

Сцена из спектакля «Филумена Мартурано». Филумена — Ц. Мансурова, Доменико Сориано — Р. Симонов

Фото А. ГЛАДШТЕЙНА

рассказывает о своих беседах с «мадонной — покровительницей роз», потому что не знает законов, которые правят миром. Но она и умна природным умом, сильна уверенностью в своей правоте. Кроме того, она прекрасна. Не только внешней красотой: у нее тонкий профиль и пышные волосы, хотя она стройна и движется легко и стремительно. Главная красота ее — та, которая звучит в страстном, трепещущем и вибрирующем голосе, в неожиданных интонациях, во всплесках чувства — красоте души...

У Филумены и Доменико в спектакле — партнеры, живущие с ними единой жизнью. Жаль только — иногда менее ярко. Но, как бы то ни было, это не является решающим. Пока смотришь спектакль, особенно два его первых акта, не оставляет ощущение, что в «Филумене Мартурано» коллектив Театра им. Евг. Вахтангова одержал неомраченные победы в той борьбе за выразительность, за яркость искусства, которую ведут или декларируют сейчас наши театры. «Филумена Мартурано» — спектакль блистательный. Но исчерпывается ли этим все, заложенное в пьесе?

Обратимся к одному моменту.

В «Филумене Мартурано» как будто благополучное заключение, вторая, на этот раз по просьбе Доменико Сориано, свадьба. Цветы, невеста в легком облачке венчальной фаты, жених с уголком белого платка, праздничо торчащим из кармана, сыновья, по-родственному обнявшиеся... Но вглядитесь — легкая ткань фаты словно призвана скрывать морщины, а платочек украшает костюм такого немолодого человека! Не в том дело, что к Филумене и Доменико поздно пришло счастье. Пришло ли оно вообще? Может ли быть такой уж счастливой Филумена, зубами, когтями вырвавшая признание своего человеческого достоинства? Доволен ли Доменико, для которого свадьба эта так или иначе означает крушение жилченных устоев, отказ от кажущейся молодости, свободы привычек?

В Театре им. Евг. Вахтангова играют третий акт добросовестно «всерьез», безоблачным счастьем завершая треволнения пьесы. В прочтении театром финала особенно отчетливо проявилось то, что присутствует в этом спектакле вообще: некоторая праздничность интонации, некоторая приподнятость над простыми и во многом драматичными событиями пьесы. «Филумена» воспринимается как радостное, красочное зрелище, вызывает восхищение.

Но не утерялась ли за всем этим хотя бы в маленькой степени острота и, главное, глубина происходящего? Не ускользнула ли тема, столь характерная для творчества Де Филиппо вообще, тема человеческого одиночества, страшного трагизма одного, вступающего в неизбежную борьбу со всеми? Жажда жизни и неудовлетворенность ею, боль от страшного несоответствия мечты и реальности ужас перед теми средствами, которыми приходится за эту жизнь бороться, и в то же время ясное осознание железной необходимости борьбы — все это есть в «Филумене», но, думается, недостаточно ясно звучит в спектакле.

Не следует, конечно, искать трагедию там, где ее нет, где она не предусмотрена ни смыслом пьесы, ни ее жанром. Но можно ли уменьшать социальную глубину произведения, не жалко ли, что из пьесы Де Филиппо в какой-то, пусть даже небольшой мере ушла неудовлетворенность жизнью, мечта о необывшемся...

Куда скромнее, проще поставлена «Моя семья» в Центральном театре Советской Армии. Сбоку из первой кулисы неожиданно торчащий балкончик, примостившись на котором музыкант-виртуоз перебирает струны гитары... Маленькая сцена, затянутая полупрозрачными жалюзи, за которыми бьется, теплится жизнь семьи... Интерьер, не праздничный, а «потертый», обжитой, в котором простые люди любят, ссорятся, страдают... Самая позиция режиссера, который хочет показать на сцене ход существования, течение жизни и в этом обычном течении обнаружить необычное, неожиданное, даже страшное, что всегда в нем таилось... Все это как будто очень близко Де Филиппо.

И действительно, вся интонация спектакля, достоверного и непритязательного, весь «ход» его найдены очень точно. Характеры, рождающиеся перед нашими глазами, ситуации, неожиданно возникающие, несут на себе печать подлинной достоверности, хорошей большой правды.

Особенно удался Л. Добржанской образ Елены Стильяно, легкомысленной и хитроватой, бескорыстной и в то же время себе на уме, какой-то душевно бесшабашной женщины. И самое примечательное, что актриса раскрывает философию образа. Именно она с особенной, ненавязчивой убедительностью обнаруживает страшное, разлагающее влияние норм и законов капиталистического общества, накладывающего свою печать на семью, на человека, на его душевные устои. Раскрывает в то же время и те удивительные силы, которые таятся в каждом простом человеке и которые требуют лишь доброй руки, лишь душевной теплоты, чтоб расцвести.

Мысль эта, пожалуй, не менее ярко и отчетливо выписана в других образах, скажем, младших членов этой семьи, сперва на глазах у зрителей рушащейся, а затем обретающей духовное единство. Но, к сожалению, кроме Добржанской да еще, пожалуй, П. Константинова, умно и тонко играющего, по существу, далекую от его индивидуальности роль главы семьи Стильяно, в спектакле мало точных творческих попаданий. Потому, думается, что при всей своей прелести, чистоте, при всем аромате, который в нем есть, он не раскрывает до конца философию бытия, которая есть в пьесе Де Филиппо.

Молодой режиссер А. Шатрин, решив спектакль в манере, близкой пьесе, в принципах, во многом совпадающих с теми, которые утверждает на театре итальянский драматург и режиссер, не раскрыл до конца главное — большой и обобщающий смысл событий. И психологическая драма где-то в конце вдруг обернулась мелодрамой, а молодые актеры, исполнители центральных ролей, сбились с мысли...

Третий спектакль — «Призраки» на сцене Театра драмы и комедии. Пьеса смело и интересно поставлена режиссером А. Плотниковым и сыграна актерами с удивительной яркостью. Но и здесь жанровое своеобразие пьесы угадано не до конца. Вспомните сюжет пьесы — потеряв надежду выбиться в жизни, доведенный страданиями чуть ли не до потери ощущения реальности бытия, наивный и чистый человечек начинает верить в то, что ему помогают потусторонние силы. Он принимает за призраков живых людей, в том числе... любовника своей жены. И ведь это человек-то хороший, светлый! До смеха ли тут? Но «невидимые миру слезы» не сверкают в постановке этого трагического фарса, героями которого по своеобразной терминологии автора являются души «страждущие», «мятущиеся», «скорбные», а решена пьеса театром скорее в плане комедийном.

...В спектаклях Де Филиппо, поставленных на нашей столичной сцене, есть достоинства и недостатки. В них присутствуют замечательные качества — яркость, сценическая выразительность, доходчивость и своеобразие формы. Но не всегда они несут ту глубину мысли, тот подтекст тяжелых раздумий, которые рождает у писателя мир окружающий. Выразительность должна служить тому, чтобы мысль увенчала созданное. В этом путь к успеху грядущему, успеху полному.

Г. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»
27 апреля 1957 г. 3 стр.